

Внутри императорского дворца царило шумное празднество, однако в глубине брачных покоев, несмотря на всю пышность убранства и яркие огни, воздух был пропитан гнетущей, противоестественной жутью.

Высокие красные свечи горели ярко, но их пламя беспокойно металось от малейшего сквозняка, отбрасывая на искусно украшенные стены причудливые, пугающие тени.

Цзун Тинлин сидел на краю кровати, облаченный в императорское хала, украшенное драконом. Ему не было и тридцати — самый расцвет сил, время мужества и власти. Черты его лица были резкими, словно высеченными из камня, брови вразлет придавали ему суровый вид, а глубокий, яркий взгляд из-под них должен был бы излучать тепло, но сейчас в глазах клубилась лишь тень гнева, словно тучи, застилающие солнце.

Иссиня-черные волосы были аккуратно собраны под золотую корону. Драгоценные камни на ней и золотое шитье на халате сверкали в свете свечей, но самого императора окружала незримая ледяная аура, которая начисто выметала из покоев всякий след свадебного веселья.

Сегодня в гарем вошло несколько девушек из знатных семей, но Император должен был выбрать лишь одну для сопровождения в опочивальню.

Семья Тун заранее подкупила дворцовых слуг, чтобы табличку с именем Тун Чанцзай спрятали в самый дальний угол. Им нужно было лишь пережить эту ночь, а затем с помощью знакомого лекаря инсценировать смерть девушки, вывезти её из дворца и всей семьей под покровом ночи бежать из Цзинчжоу.

Кто бы мог подумать, что Император этой ночью выберет именно их табличку.

Тун Цзыгэ еще не достиг совершеннолетия. Он был строен и, хотя выше большинства девушек на голову, отличался тонким телосложением. Его лицо, белое, как нефрит, с тонкими, печально изогнутыми бровями, глубокими ясными глазами и изящным прямым носом, выглядело очень привлекательно.

Темные волосы, обрамлявшие лицо, придавали ему еще больше мягкости и нежности, а поскольку голос его еще не огрубел, при должной осторожности он мог сойти за девушку с вероятностью в девять десятых.

После того как Тун Цзыгэ доставили в покои, он все время держал голову опущенной. Его сердце колотилось, словно барабан, каждый удар отдавался в груди, лишая дыхания. Казалось, сам воздух сгустился от страха, став невыносимо тяжелым. Слухи о жестокости Императора окутывали его, как густой туман, наполняя душу ужасом.

Взгляд Цзун Тинлина упал на Тун Чанцзай перед собой, и его брови едва заметно дрогнули. Он провел во дворце долгие годы и видел немало, но этот человек вызывал у него странное, смутное чувство, словно под гладью спокойного моря скрывалось опасное течение,

нарушавшее его привычное хладнокровие.

— Подними голову.

Голос Цзун Тинлина, низкий и ледяной, разнесся по тихим покоям. Каждый звук в этом голосе лишь сгущал напряжение, давя на Тун Цзыгэ, словно физическая тяжесть.

Сердце юноши подпрыгнуло, тело непроизвольно мелко задрожало. Он медленно поднял взгляд, и в его глазах отразился такой чистый ужас, что казалось, он вот-вот хлынет потоком, смешиваясь с благоговейным страхом перед человеком напротив.

Заметив это, Цзун Тинлин с едва заметным пренебрежением протянул руку и схватил Тун Цзыгэ за предплечье. Хватка была железной. Почувствовав острую боль, юноша невольно втянул воздух сквозь зубы.

Он попытался слегка дернуться:

— Ваше Величество...

Цзун Тинлин не сдвинулся с места, лишь сжал пальцы сильнее. Резким рывком он притянул Тун Цзыгэ к себе. Юноша подался вперед, инстинктивно пытаясь оттолкнуть его свободной рукой, но Император легко перехватил и её.

На губах Цзун Тинлина заиграла жестокая усмешка:

— Слышал, старшая дочь семьи Тун славится своей неземной красотой. Гадал, почему такая девица до сих пор не замужем... А ты, оказывается, мастер играть в недотрогу.

Хотя Тун Цзыгэ рос в роскоши, отец держал его в ежовых рукавицах: ему запрещалось посещать увеселительные заведения и даже слушать музыку. Сейчас, услышав такое, он вспыхнул до корней волос и отклонился назад, пытаясь разорвать дистанцию, но попал лишь в еще большее противостояние.

На его лбу проступил мелкий пот, дыхание сбилось. Однако силы их были несопоставимы, и любое сопротивление в глазах Цзун Тинлина выглядело безнадежным.

Император на мгновение замер, а затем притянул юношу еще ближе, так что их тела почти соприкоснулись. Тун Цзыгэ отчетливо ощущал исходящее от Цзун Тинлина мощное давление; сердце его колотилось, как бешеное, а в глазах стоял испуг.

Цзун Тинлин уже готов был прикинуться к его тонким губам, как вдруг заметил, что на шее Тун Чанцзай проступает едва заметный кадык.

Его охватили сомнения, а взгляд в одно мгновение стал холодным и опасным. Второй рукой он грубо сжал подбородок юноши, заставляя его поднять голову еще выше, чтобы разглядеть все как следует.

Тун Цзыгэ собрался с духом и дрожащим голосом пролепетал:

— Ваше Величество... мне... мне нездоровится, боюсь, я не смогу услужить Вам.

В его голосе слышались слезы, он надеялся, что это поможет избежать близости.

Цзун Тинлин прищурился, в упор глядя на него:

— О? Нездоровится? А ну-ка, скажи, что именно с тобой не так?

Тун Цзыгэ испугался не на шутку. Закусив губу, он повторил слова, которые наставляла его мать:

— Ваше Величество... у меня... у меня начались женские дни, боюсь, сейчас не лучшее время...

Он опустил голову, не смея смотреть в лицо Императору, и весь дрожал от напряжения.

Цзун Тинлин на мгновение замер, а затем холодно рассмеялся. В его глазах мелькнуло презрение, губы искривились в жестокой усмешке:

— Да что ты говоришь?

Тун Цзыгэ почувствовал, как в руке, которую сжимал Император, вспыхнула боль. Он отчаянно забился, пытаясь вырваться из хватки, в его глазах читались ужас и решимость.

— Ваше Величество! — вскрикнул он, и на глаза навернулись слезы, которые он упрямо сдерживал, не давая им пролиться.

Цзун Тинлин усмехнулся еще злобнее:

— Неужели ты думаешь, что сможешь обмануть меня?

В тот момент, когда юноша совсем растерялся, рука Цзун Тинлина внезапно скользнула вниз, к его поясу.

Тун Цзыгэ окаменел, его лицо вмиг стало бледным, как полотно. Ужас достиг предела. Тело

затряслось, словно от удара молнии, разум погрузился в пустоту — он был совершенно раздавлен.

Цзун Тинлин с силой оттолкнул его. Юноша повалился на кровать, его одежда окончательно сбилась. Император встал и посмотрел на него сверху вниз:

— Как ты посмел! Ты обманул самого Императора!

Тун Цзыгэ съёжился на постели, слезы градом покатались из его глаз, тело содрогалось от рыданий. Собрав последние крохи мужества, он прошептал:

— Ваше Величество, я... я пришел вместо старшей сестры. Она уже помолвлена, если Вы силой заставите её выйти замуж, это приведет к большой беде. Умоляю, проявите милосердие.

Цзун Тинлин лишь рассмеялся от ярости:

— Ты думаешь, это оправдание? За обман императора карается смертью весь род до девятого колена!

Услышав о казни целого рода, Тун Цзыгэ словно оцепенел. Он бросился в ноги к Цзун Тинлину и, обхватив его колени, взмолился:

— Ваше Величество! Ваше Величество! Моя семья ни в чем не виновата, во всем виноват только я! Умоляю, пощадите их, я готов понести любое наказание!

Он начал биться лбом о пол, и вскоре на полу показались пятна крови.

Цзун Тинлин смотрел на этого жалкого человека у своих ног с нескрываемым интересом. Внезапно он оживился, сел на край кровати и с жестокой улыбкой произнес:

— О? Хочешь, чтобы я их пощадил? Это возможно. Но только если ты как следует послужишь мне. Если доставишь мне удовольствие, возможно, я смягчу наказание.

Тун Цзыгэ поднял голову, в его глазах сквозили шок и унижение. Он оцепенел, внутри него шла жестокая борьба, но ради семьи у него не было другого выхода.

Стиснув зубы, он решился. Медленно поднявшись, подавляя в себе чувство жгучего стыда, он сделал шаг к Императору.

— Ваше Величество... — прошептал он со слезами в голосе. — Умоляю... сдержите свое слово.

Цзун Тинлин криво усмехнулся:

— Это уж зависит от твоего усердия. Если не сможешь меня удовлетворить, не вини меня за жестокость.

Щеки Тун Цзыгэ горели от стыда, словно в огне, глаза наполнились слезами, но он отчаянно сдерживался, чтобы они не упали. Цзун Тинлин свысока и с явным наслаждением наблюдал за его действиями.

Тун Цзыгэ развязал пояс императорского халата. Одежда падала слой за слоем, обнажая крепкое, мощное тело Цзун Тинлина, от которого исходило подавляющее давление. Сердце Тун Цзыгэ стучало так сильно, что, казалось, вот-вот вырвется из груди, дышать становилось все труднее.

Он крепко зажмурился, пытаясь мысленно сбежать из этого кошмара, но тело механически продолжало выполнять волю Императора. Дыхание Цзун Тинлина стало прерывистым, его руки касались тела юноши, и от каждого прикосновения Тун Цзыгэ вздрагивал.

— Ты такой желанный в этом виде... — прошептал Цзун Тинлин прямо ему на ухо, и горячее дыхание, коснувшееся кожи, заставило юношу содрогнуться.

Тун Цзыгэ затошнило. Хотя он никогда не бывал в борделях, он тайком читал и слышал те пошлые истории, и знал хотя бы то, что близость должна быть по взаимному согласию. Разве так должно быть... разве так...

В этот миг реальность ускользнула от него, как будто он провалился в бездонную пропасть, и от невыносимой боли он потерял сознание.

<http://bllate.org/book/22353/2342712>